

У Лу Шицина дрожали руки.

Нет, ну какой нормальный человек станет вот так, без предупреждения, звонить по видеосвязи?

Это же верная смерть для любого социофоба!

Глядя на уведомление о пропущенном видеозвонке, Лу Шицин готов был разрыдаться от бессилия. Поколебавшись, он отправил забавный рисованный стикер с хныкающей рожицей и попытался как-то неуклюже оправдаться.

Синий: «Господин Жун, что-то случилось? Я на совещании».

ААААА: «Ты занят?»

Сгорая от стыда, Лу Шицин вытер вспотевшие ладони о джинсы и быстро набрал:

Синий: «Да нет...»

ААААА: [Голосовое сообщение, 16 сек.]

Шицин перевёл голосовое в текст. Оказалось, Жун Сюй интересовался, когда он свободен: подходило время съёмок для промо-постеров к «Замыслам Чанъаня».

Синий: «Я в ближайшие дни совершенно свободен».

ААААА: *[Изображение]* «Вот расписание съёмок. Заехать за тобой?»

Лу Шицин обомлел от такой заботы.

Могло ли это быть простой вежливостью? Или Жун Сюй действительно проявлял к нему участие?

Неужели это и есть...

Шицин затаил дыхание.

То самое легендарное обожание фанатов, о котором пишут в сети?

Его пальцы залетали по экрану с невероятной скоростью:

Синий: «Что вы, не нужно! Брат Чжоу меня отвезёт. Спасибо большое, господин Жун!»

И машинально отправил стикер с улетающими штанами.

AAAAA: «?»

Осознав, что натворил, Шицин в панике, со скоростью звука удалил сообщение и тут же, пытаясь сгладить неловкость, прикрепил милого котика, прижимающего лапки к щёчкам.

На том конце провода повисла долгая пауза, после чего пришёл лаконичный ответ:

AAAAA: «Ок».

Облегчённо выдохнув, Шицин тут же безжалостно почистил свою галерею от всех двусмысленных и дурацких стикеров.

После того как дата съёмок была утверждена, Лу Шицин ещё несколько дней прилежно лечился дома и наконец окончательно поправился.

Приближался Новый год, и в Яньчэне резко похолодало.

Чжоу Фу заехал за Лу Шицином прямо на подземную парковку дома.

Шицин, укутанный по самые уши, бережно держал в руках стаканчик с горячим кофе. Заметив подъезжающую знакомую машину, он юркнул на пассажирское сиденье.

— Сегодня снимают главных героев, — Чжоу Фу перенастроил навигатор. — Я видел эскизы для твоего Чжао Чэньсюня. Выглядит впечатляюще, над образом действительно постарались... Осторожнее, не пролей кофе. И пристегнись.

Кивнув, Шицин опустил стаканчик в подстаканник. Но стоило ему потянуться к ремню безопасности, как в голове словно что-то щёлкнуло. Он замер, уставившись в одну точку.

— Ты чего застыл? — недоумённо спросил Чжоу Фу, глядя на его внезапное оцепенение.

В памяти Шицина один за другим всплыли моменты той ночи, когда Жун Сюй подвозил его домой. Осознание обрушилось на него ледяной лавиной — от неловкости ему захотелось прямо сейчас выскочить из машины на полном ходу.

— Ох...

«Так Жун Сюй тогда имел в виду вовсе не „пристегни меня“, а просто напомнил мне пристегнуться самому?!»

«А я тогда...»

Перед глазами с безжалостной отчётливостью развернулась недавняя сцена.

Тесный салон автомобиля. Он сам, неловко перегнувшись через плечо Жун Сюя, тянется к ремню безопасности. Его щека едва не касается чужой груди, а в нос бьёт шлейф дорогого парфюма...

Жун Сюй тогда ещё так странно на него посмотрел, словно хотел что-то сказать, но передумал.

Лу Шицин мысленно взвыл.

«Неудивительно, что он столько времени не мог тронуться с места!»

Запоздалое раскаяние накрыло Шицина с головой. Обречённо вздохнув, он дрожащими пальцами защёлкнул замок ремня и бессильно откинулся на спинку сиденья.

Вид у него был абсолютно безжизненный.

Чжоу Фу лишь пожал плечами, завёл мотор и направился к съёмочному павильону.

В просторной студии вовсю кипела работа: осветители настраивали софтбоксы и отражатели. Заметив вошедшего Лу Шицина, к нему поспешил помощник режиссёра:

— Господин Лу, наконец-то! Гримёры и костюмеры уже заждались, проходите скорее.

Шицин сдержанно кивнул и с самым невозмутимым видом последовал за ним в гримёрную.

Он приехал одним из первых. В комнате гримировались всего несколько актёров. Стоило Шицину войти, как все взгляды устремились на него через зеркала — каждому нетерпелось узнать, кому же досталась заветная роль Чжао Чэньсюня.

Стараясь ни на кого не смотреть, Шицин прошёл в самый дальний угол гримёрной и тихо опустил на свободный стул у стены.

К нему с приветливой улыбкой подошла девушка-гримёр:

— Господин Лу, сегодня вашим образом займусь я.

Шицин применил свой проверенный приём на все случаи жизни — просто вежливо кивнул.

К его облегчению, девушка оказалась не из болтливых. Она сразу и очень профессионально принялась за работу.

Шицин мысленно перевёл дух.

Примерно на середине процесса за дверью раздались знакомые голоса. Шицин, дремавший в кресле, резко открыл глаза и в отражении зеркала увидел неторопливо входящего Жун Сюя.

В гримёрной было тепло. Жун Сюй снял пальто, небрежно перекинув его через руку. Простой серый бадлон с высоким горлом и классические чёрные брюки идеально подчёркивали его безупречную фигуру.

С его природной харизмой и лёгким налётом пижонства он умудрялся даже тесную, заваленную вещами гримёрную превращать в подиум.

Шицин бросил на него быстрый взгляд и тут же поспешно отвернулся, изо всех сил делая вид, что флакон с тональным кремом перед ним — самая интересная вещь во Вселенной.

«Хоть бы не подошёл, хоть бы не подошёл...» — без конца молил он всех известных богов.

Но небеса были глухи к мольбам социофоба.

Поприветствовав коллег по площадке, Жун Сюй сразу заприметил притаившегося в углу Шицина.

— О, господин Лу! — весело протянул он. — А вы уже здесь. Ранняя пташка.

С этими словами он бесцеремонно придвинул свободный стул и устроился рядом, всем своим видом показывая: «Пока нас красят, почему бы не поболтать по душам?»

Лу Шицин мысленно застонал.

Честное слово, ему, закоренелому интроверту, никогда не понять этих невыносимо общительных людей.

Присутствующие в комнате сотрудники и актёры украдкой переглядывались.

В сети без конца судачили об их натянутых отношениях: то писали, будто Лу Шицин зазвездился, то высмеивали Жун Сюя за излишнюю навязчивость. Глядя на них сейчас, сложно было поверить, что они враждуют.

Жун Сюй так и лип к коллеге, в то время как Шицин сидел с ледяным лицом, даже не достаивая его взглядом.

Действительно, всё выглядело крайне запутанно.

Оставалось только наблюдать.

Жун Сюй вальяжно закинул ногу на ногу и заговорил непринуждённым тоном:

— Ну как твоё самочувствие? Поправился? А то бледный какой-то.

Шицин уже собирался привычно кивнуть, но...

— Господин Лу, пожалуйста, не шевелитесь, — мягко остановила его гримёр, прижимая спонж к его щеке.

Лишившись своего главного оружия, Шицин был вынужден ответить вслух, вышло немного топорно:

— Всё хорошо, я здоров. А бледный, потому что вы нанесли пудру.

От этой детской непосредственности Жун Сюй едва сдержал смешок, а у гримёрши от беззвучного смеха даже задрожали пальцы.

— Да? — Жун Сюй с интересом оглядел его. — А мне кажется, ты ещё сильнее похудел.

Сейчас, без объёмного пуховика, Шицин казался совсем хрупким — совсем не таким, как на съёмках «Девятикратного предания». Тонкое запястье, покоившееся на подлокотнике кресла, выглядело настолько изящным, что его можно было легко обхватить пальцами одной руки.

На контрасте со свободными рукавами в этом угадывалось нечто утончённое и притягательное.

Шицин снова дёрнулся, чтобы кивнуть, но спонж гримёра вновь пресёк эту попытку.

— Да, есть немного, — тихо выдавил он.

— В следующем месяце уже первый съёмочный день, — Жун Сюй подпёр подбородок рукой. — Тебе нужно получше питаться и немного набрать вес.

Шицин растерялся. Он поднял взгляд и на секунду встретился с Жун Сюем глазами в зеркале, после чего поспешно уставился в пол. С пунцовыми ушами он едва слышно пробормотал:

— Всё в порядке... Так даже лучше. Просто... ты...

Под конец он совсем стушевался, и его бормотание расслышать было невозможно.

Зато сидевшая вплотную к нему гримёрша всё прекрасно расслышала. Её рука, аккуратно рисовавшая мушку-слезинку у его глаза, на мгновение замерла. Девушка бросила многозначительный взгляд сначала на одного, потом на другого.

В её глазах промелькнуло явное любопытство.

Шицин редко пускался в объяснения, и Жун Сюю безумно захотелось узнать, что же тот пытался сказать.

Только он собрался расспросить его, как в гримёрную, зевая на ходу, вошёл Доу Чжо:

— Сюй, ради всего святого, смени цвет у своей колымаги! От этого кричащего оттенка глаза слезятся.

Жун Сюй мгновенно переключился на защиту своей любимицы:

— Без проблем. Подари мне новую машину, и я выберу любой цвет по твоему вкусу.

Тут Доу Чжо заметил притаившегося в углу Шицина. Его брови взлетели вверх, а на губах заиграла лукавая усмешка:

— Будь у тебя такое же роскошное лицо, как у Шицина, я бы тебе хоть восемнадцать штук подарил.

Гримёр закончила накладывать тон и тени, добившись именно того образа, которого требовал режиссёр, и теперь аккуратно закрепляла парик.

У Лу Шицина была классическая, благородная внешность с тонкими, слегка холодными чертами. Опытная рука мастера чуть смягчила излом его бровей, придав лицу кроткое

выражение, а крошечная мушка у внешнего уголка глаза стала идеальным завершающим штрихом.

Жун Сюй, до этого увлечённый дружеской перепалкой, наконец внимательно всмотрелся в лицо Шицина и на миг лишился дара речи.

Закрепив парик, гримёр искусно уложила волосы в традиционную причёску: верхнюю часть собрала в высокий хвост и заколола изящной нефритовой шпилькой, а нижнюю оставила свободно ниспадать по плечам.

Образ изнеженного молодого господина Чжао Чэньсюня, выросшего в роскоши императорской столицы, дополняли алые самоцветы, искусно вплетённые в чёрные пряди. Это подчёркивало его высокое происхождение.

Закончив с гримом, Шицин поднялся и направился в костюмерную.

Лишь когда за ним закрылась дверь, Жун Сюй заставил себя отвести взгляд и сел в кресло перед зеркалом.

Доу Чжо, внимательно наблюдавший за другом всё это время, ядовито ухмыльнулся:

— Господин Жун, а изобрази ещё раз то выражение лица? Ну, то самое.

Жун Сюй скосил на него глаза, прекрасно понимая, что тот замышляет какую-то пакость:

— Какое ещё «то самое»?

— Ну вот это, — Доу Чжо издевательски скопировал его тон с кастинга: — «Какая пошлость! Я просто восхищаюсь его актёрским талантом!»

Жун Сюй промолчал.

И зачем он только открыл рот?

Тем временем в соседней комнате Шицин переодевался в костюм.

В «Девятикратном предании» — фэнтези-дораме — костюмы шили лёгкими и струящимися, а у его персонажа, Духа меча, облачение и вовсе было простейшим: накинул и пошёл. Историческая же драма «Замыслы Чанъаня» требовала куда более кропотливого подхода.

Растерянно глядя на ворох тканей и многочисленные завязки, Шицин совершенно не понимал,

с чего начать. К счастью, ассистенты костюмера быстро пришли на помощь, слой за слоем облачая его в роскошные одежды.

Зимний наряд Чжао Чэньсюня состоял из многослойного парчового халата глубоких чёрных и алых тонов, поверх которого накидывался тяжёлый плащ, отороченный пушистым мехом. Выглядело это невообразимо богато.

Когда костюм наконец сел как влитой, помогавшая ему девушка застыла, залюбовавшись.

На манекене это одеяние казалось заурядным, но на Шицине оно словно ожило, явив миру величественный и благородный образ.

В павильоне тем временем уже отсняли первых двух актёров.

Режиссёр Ли, выкроив свободную минуту, устроился на складном стуле с чашкой чая, чтобы лично оценить первые кадры.

Стоило Шицину выйти к осветительным приборам, придерживая широкие рукава, как все присутствующие невольно замерли. Взгляды съёмочной группы против воли устремились на него.

Режиссёр Ли застыл с чашкой в руке, пристально оглядывая юношу с ног до головы. С каждым мгновением его лицо сурового мэтра разглаживалось, и наконец на губах появилась довольная улыбка.

— Превосходно.

Словно сам Чжао Чэньсюнь сошёл со страниц романа...

Впрочем, Чжао Чэньсюнь — калека, ему и стоять-то тяжело, не то что ходить.

— Где кресло-коляска? — скомандовал Ли. — Живее тащите сюда!

Помощники спешно выкатили на съёмочную площадку резное деревянное кресло, изготовленное на заказ.

Шицин послушно сел. На фоне массивного сиденья его хрупкая фигура в тяжёлых зимних одеждах казалась совсем крошечной и уязвимой — идеальное попадание в образ болезненного и немощного юноши.

Коляску установили в центре площадки перед камерами.

Фотограф принялся быстро настраивать ракурсы, делая пробные снимки. Лицо Шицина оставалось бесстрастным.

Даже без сложных поз и вычурных ракурсов каждый кадр получался шедевральным.

Режиссёр Ли, отсматривая материал на мониторе, довольно кивал. Когда нужных кадров набралось достаточно, он попросил:

— Шицин, теперь улыбнись. Ну же, покажи ту самую улыбку, как на прослушивании.

Шицин замялся.

Одно дело — играть на сцене, погрузившись в роль, и совсем другое — сидеть перед камерой в статичной позе и выдавливать из себя нужные эмоции по щелчку пальцев.

Сколько бы он ни пытался настроиться, выходило неестественно и натянуто. Результат на экране явно не устраивал режиссёра.

Заметив, как мрачнеет лицо режиссёра, Шицин разволновался ещё сильнее. Теперь его губы окончательно склеились.

На площадке возникла неловкая пауза, которую нарушил вышедший наконец из гримёрной Жун Сюй.

Образ генерала Чжао Чжо, закалённого в бесконечных сражениях, разительно отличался от образа его экранного брата: облегающий походный костюм с узкими рукавами выгодно подчёркивал его мужественность и статью.

Жун Сюй первым делом отыскал глазами Шицина. Ему безумно хотелось подольше задержать на нём взгляд, но, вспомнив недавние подколки Доу Чжо, он вовремя взял себя в руки и отвернулся с самым невозмутимым видом.

Шицин при виде вошедшего заметно расслабился, а во взгляде промелькнула теплота.

Опытный режиссёрский глаз Ли мгновенно уловил эту перемену. Он поманил Жун Сюя рукой, подзывая поближе, и обратился к юноше в коляске:

— Шицин, ну-ка посмотри на своего старшего брата. Давай, улыбнись ему.

Лу Шицин обомлел.

Жун Сюй недоумённо вскинул брови.

Кончики ушей Шицина, скрытые под прядями парика, вспыхнули пунцовым цветом. Тем не менее он послушно посмотрел на Жун Сюя и мягко прищурился, являя миру ту самую невероятно нежную, послушную улыбку.

Затвор камеры защёлкал без остановки.

— Да, отлично! — воодушевлённо подбадривал Ли, помогая ему войти в образ. — Посмотри на брата. Он только что проучил всех твоих обидчиков. Ты ведь любишь его, верно? Да, именно так! Чудесно, очень естественно.

Жун Сюй лишился дара речи.

Он задумчиво и немного заворожённо смотрел на послушного Шицина, который по первому слову режиссёра так очаровательно улыбался ему. О чём он думал в этот момент, оставалось загадкой.

У Шицина уже сводило скулы от этой улыбки, когда фотограф наконец объявил, что съёмка завершена.

Не смея взглянуть на Жун Сюя, он поспешно поднялся с кресла и почти бегом скрылся в раздевалке, стремясь поскорее избавиться от тяжёлого костюма.

Шицин терпеть не мог обременять людей своими заботами. Когда костюмер предложила помочь ему переодеться, он лишь вежливо покачал головой — мол, сам справлюсь.

«Подумаешь, раздеться. С этим я и сам совладаю».

В раздевалке было пусто. Задержав плотную штору кабинки, он принялся распутывать бесчисленные завязки. Его уши по-прежнему пылали огнём, а в мыслях набатом стучало режиссёрское «брат».

Меховой плащ соскользнул легко, но вот с нижними халатами пришлось повозиться. Когда оставался последний слой, Шицин вдруг обнаружил, что тонкая цепочка с алым самоцветом запуталась в воротнике и намертво застряла. Сколько бы он ни пытался её нащупать, ничего не выходило.

На лбу выступили капли пота. Позвать кого-нибудь на помощь не позволяла гордость и стеснение, а рвать цепочку силой он боялся, чтобы не испортить реквизит. Пришлось возиться вслепую, теряя последние остатки терпения.

И в самый разгар этой безмолвной борьбы снаружи слышались шаги.

Закусив губу, Шицин набрал в грудь побольше воздуха, собираясь с духом, чтобы попросить вошедшего о помощи.

Но не успел он произнести ни слова, как из-за занавески раздался до боли знакомый голос:

— Ну что там? — лениво поинтересовался Жун Сюй. — Застрял в украшениях?

Шицин замер от неожиданности и лишь спустя пару секунд робко выдавил:

— А ты... откуда знаешь?

— Ты там возишься уже минут пять, не меньше. Твои побрякушки звенят на всю раздевалку, у меня аж голова разболелась, — усмехнулся Жун Сюй.

— Прости... — машинально пробормотал удручённый Шицин.

Не успел он договорить, как тяжёлая ткань занавески отодвинулась, и в тесное пространство кабинки проник знакомый тонкий аромат дорогого одеколона.

Жун Сюй бесцеремонно шагнул внутрь.

Лу Шицин вздрогнул как от удара тока.

Он едва не подпрыгнул на месте и испуганно попятился назад, пока не упёрся лопатками в стену. Его глаза округлились от шока.

Жун Сюй, превосходивший его ростом и статью любого профессионального манекенщика, засучил рукава свитера до середины предплечий — видимо, в помещении было слишком натоплено. На его сильных руках рельефно проступали мышцы.

С его появлением в крошечной кабинке словно совсем не осталось кислорода. Жун Сюй буквально заполнил собой всё свободное пространство.

Шицин затаил дыхание, боясь пошевелиться.

Жун Сюй выразительно вскинул бровь:

— Повернись спиной.

— А... — растерянно выдохнул Шицин и послушно повернулся.

Жун Сюй опустил взгляд на его шею.

Тонкая застёжка намертво переплелась с ярлыком на воротнике. Из-за долгих тщетных попыток Шицина освободиться на его бледной коже у основания шеи остались заметные багровые полосы.

Жун Сюй на мгновение задержал взгляд на нежной коже, затем прижал пальцы к собственной щеке, проверяя, не слишком ли они холодные. Убедившись, что всё в порядке, он осторожно коснулся шеи Шицина, аккуратно выпутывая застрявшую цепочку.

Несмотря на тепло чужих пальцев, от этого мимолётного прикосновения по спине Шицина пробежала неистовая дрожь, а по телу мгновенно поползли мурашки.

То ли от испуга, то ли от стыда он крепко обхватил себя руками, вцепившись пальцами в дорогую парчу халата. Яркий румянец залил его лицо и уже подбирался к затылку.

Жун Сюй, которому тишина казалась невыносимой, негромко протянул:

— Знаешь, господин Лу, мне безумно интересно...

Шицин слегка повернул голову:

— Ч-что именно?

— ...что ты там прошептал в самом конце? — Жун Сюй ловким движением распутал узел. — Ну, после слов «мне и так отлично»?

Шицин удивлённо моргнул.

Жун Сюй окончательно высвободил цепочку и, подцепив её указательным пальцем, небрежно покачал в воздухе.

Алые самоцветы тихо и мелодично звякнули друг о друга.

— Вот и всё, готово.

Шицин медленно повернулся к нему лицом, до конца не понимая, к чему этот вопрос.

Присутствие Жун Сюя в такой близости лишало его способности здраво мыслить, а в голове всё ещё эхом отдавались настойчивые призывы режиссёра «улыбнуться старшему братику». Совершенно растерявшись, он бесхитростно повторил:

— Я читал сценарий... Там много сцен, где ты должен носить меня на руках. Если я наберу вес, тебе... то есть, гэгэ... может быть тяжело меня поднимать.

Он искренне переживал, что Жун Сюй перенапряжётся.

От этого робкого «гэгэ» сердце Жун Сюя на мгновение пропустило удар.

Но не успел он поддаться этому сладостному чувству, как до него дошёл истинный смысл сказанного. Пальцы, сжимавшие цепочку с самоцветами, непроизвольно напряглись.

... Ему стало одновременно и смешно, и досадно.

Он лениво приподнял веки, глядя на юношу с лукавым прищуром:

— Знаешь, господин Лу, такого хрупкого юношу я без труда подниму одной левой.

Шицин непонимающе захлопал глазами.

Жун Сюй сделал ещё полшага вперёд. В тесной кабинке его превосходство ощущалось особенно остро. Он буквально прижал Шицина к стене, окутывая его своим пьянящим парфюмом.

— Не веришь? Хочешь проверить прямо сейчас?

<http://bllate.org/book/18347/1764302>